

Родился в Волгограде. После школы год отучился в Волгоградском государственном университете на филологическом факультете, потом ещё два — в Литинституте (семинар поэзии Татьяны Бек и Сергея Чупринина). В 1993 году вышла первая книга «История болезни» (Волгоград). Работал журналистом в газетах «Вечерний Волгоград» и «Первое чтение». С 1998 по 2002 год регулярно публиковал рецензии в журнале «Знамя». В 2000 году составил, отредактировал и выпустил в свет первый номер литературного альманаха «Шар» (Волгоград). Вторая и последняя прижизненная поэтическая книга Шевченко «Рок» (Волгоград) появилась в 2001 году. Убит ночью 25 апреля 2002 года при невыясненных обстоятельствах в нескольких метрах от своего дома. Посмертно вышли три книги со стихами, рассказами, повестями.



ПИРАМИДАМ — ЗВУЧАТЬ

* * *

Я не умру, главы не преклоню
пред палачом в коронке изумрудной,
как я тебя любил, как я люблю
в многоголосой ночи многотрудной!
Едва ль меня желанье посетит

подрезать вены с точностью актёра,
я думаю, что после смерти — стыд,
так замолчи, безумная Изора!
Проходит век, и больше не бывать
таким делам — чеканкам и цветочкам,
так научился плыть и убивать,
душе темно и неуютно почкам.
Пустое посещение моё
окажется дряхлеющим туманом,
о, я любил, о, я люблю твоё
немое слово с городским обманом.
Вот по реке плывущая звезда —
почти звезда, и нечего стараться.
Доколе будут сниться холода?
Еще немного.
Жалко расставаться...

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Когда нас в детский сад водили
эльфы — и никто не умирал,
когда у мальчиков были крылья,
на дудке юноша играл.

И в школе изучали Книгу
Мёртвых и не летела гарь,
и гном держал в руках мотыгу
и длинный голубой фонарь.

Когда на лютне были струны,
и были лотосы в висках,
германские писали руны
в вечерних городских листках.

Привёз чиновник из столицы
два телескопа и орган,
рыжеволосые ученицы
влюблялись в молодых цыган.

Когда потел философ в бане,
в Тибет тянулись журавли,
когда наутро христиане
ещё драмтеатр не сожгли.

У сторожа не отобрали флейту,
луну теолог не украл, —
меня в детсад водили эльфы
и Саламандра забирал.

РЕЛИГИЯ

Джинсы, которые из Индии не привезли,
шары новогодние, которые я разбил...
Все ближе речной вокзал Обетованной земли —
озеро Чад, русский Нил.
Пирамидам — звучать, лотосам — гореть,
Иерусалим захвачен — вот такая фигня.
2000 год: религия или смерть.
Камикадзе, поцелуй меня.
Хорошая, блин, экзотическая страна,
сверхчувственный опыт — многообразие культовых лиц.
На речном вокзале меня поджидает она —
женщина декадентов и самоубийц.
Религия или смерть: мы с тобою могли
воскрешать предметы, которые Ты любил —
прилагаю список: джинсы не привезли,
и шары новогодние я разбил.

ЗАБВЕНИЕ САМО

Сидели, пили, хавали котлеты
забытые историей поэты,
а во дворе на золотых коньках
катался мальчик со свечой в руках.
Стояли женщины на маленьких балконах,
болтали критики за шахматной игрой,
на четырёх слонах, на двух драконах
въезжал какой-то классик мировой
в бессмертный город. Мускулистый Маяковский
в кафе бессмертным ангелам хамил,
лепил снеговика Корней Чуковский,
и Фогельвейде трубочку курил.
В трамвае Пушкин проверял билеты,
и кто-то пел с пластинки о любви,
сидели в тёмной комнате забытые поэты
и перечитывали сборники свои —
там бабочек ладонями ловили,
там гладиолусы возлюбленным дарили,
ходили на индийское кино
и разливали красное вино.

2043 ГОД

Прошло так много лет,
что уже никто не вспомнит
твоего лица и черную юбку, — где они,
90-е годы XX века?
Вошли в антологию звёзды рэпа,
затонул в болоте «Наутилус»,
погиб Капитан —
поп-механический господин оформитель
сделал ручкой.

Пожилая хиппанка с фенечкой посещает
булочную — выбирает себе самый чёрный хлеб.
Этот хлеб, говоря не моими словами, хлеб чужбины,
хлеб разлуки, прощания, самый невкусный кусок.
Лишь компания «Кока-кола»

переживёт любого авангардиста,
художника Зверева, музыканта

в майке «Секс пистолз».

Тут легла, как под Сталинградом пьяная молодёжь,
и взорвался «Самсунг», и серьёзная девочка Тоня
не ответит на твой телефонный звонок никогда.
Вы не делали историю, история делала вас,
вы стояли не насмерть,

и вас расстреляли из детских
водяных пистолетов.

Вкус времени — «самый устойчивый вкус»,
и рекламные парни смеются из-под земли,
заржавел «мерседес»,

затупился «Жилетт», затупился,
пожелтели, как листья, зелёные деньги,
компьютерный вирус

уничтожил фамилии ваши
и вывел за скобки

эти годы, которые я никому не прощу.

28 ФЕВРАЛЯ 1997

Я тоже прожил в одиночестве
Полжизни и стихи шептал.
И я вращался в светском обществе,
И водку залпом выпивал,
И вслух бессмертное читал.

Мне снятся времена прошедшие:
Какой-то день, какой-то год.
Меня любили сумасшедшие
И больно целовали в рот.

Я был и плотью и видением,
Проходим, дождиком, трухой,
И громким увлекался пением,
Художественной чепухой.

В любви, в работе или в праздности,
Везде — и на краю земли,
Всегда большие неприятности
За мною почему-то шли:

Пускай мне не хватало мужества,
Товарища в моём пути —
Но время славы или ужаса
Останется в моей горсти.

РЕВОЛЮЦИЯ

Когда в магазинах раскупят чёрные колготки,
Когда губернатора положат в красный гроб...
Ничего нового... на жёлтой подводной лодке
Она приплывёт, красивая как Игги Поп.
Как в кино, в тёмной комнате вспыхнет спичка,
Как в коротком романе — железная дверь на замке.
А моя революция — белобрысая алкоголичка
С блестящей гранатой в татуированной руке.
В прозрачном кафе сексуальные танцуют пары,
Бешеные ананасы, рябчиков жрут,
На зелёных парашютах маленькие комиссары
Спускаются с неба и «Марсельезу» поют.

РОДИНА

И только возвращением не мучь...
Какой-то пасмурный невыразимый луч
воспоминания: двоящийся пустырь,
пятиэтажка, бабочка, снегирь.

Вот малолетка наполняет шприц
во мраке общежитий и больниц,
на лодочке катается дурак,
на маленькой Голгофе свищет рак.

Я жил в стране, которая была
прекрасней всех и потому светла
наполовину, вот такой расклад:
летит снегирь, а бабочки горят.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ

Взлетать с поверхности стола
золою или паутиной,
носить на шее клык тигриный
и продавать за рубль длинный
в универмаге зеркала,
когда поэзия была
ещё соплячкой и бродяжкой...
Какие странные тела
и мальчик над железной чашкой,
и ты выходишь на балкон,
клянёшься тьмою и могилой,
но я не птица, я — дракон
чешуйчатый и многокрылый.
Не паутиной, так золой,
монету, а не клык тигриный,

и продавать за доллар длинный
на рынке обруч ледяной.

МУЗА БЕССМЕРТИЯ

Отсвистело моё поколенье,
Околела синица в горсти.
Я не верил в твоё появленье
На моём безымянном пути.
Отстучали вагончики громко,
И приблизилась благодать,
А какие-то мальчики звонко
Продолжают поэмы читать.

Происходят события в отчизне,
Побеждает холодная ложь,
А ты меня обнимаешь при жизни,
И за влажную руку берешь,

Горячими руками.
Что я сделал? Душой не криви:
Неужели одними стихами
Я добился взаимной любви?

Неужели мне это не снится?
Крылья ангелов молодых,
Абсолютно спокойные лица
Гениальных клиентов твоих

И безумья сердитые маски,
Вдохновенные скрипки весной.
Узнаю по кровавой повязке
Гумилёва, любимого мной.

Я ушёл от позорного тленья
И оставил пожар позади.
Я не верил в твоё появление
На моём безымянном пути.

Подборку составила Елена ЛАСТОВИНА